

Камчатские рассказы

18+

Светлана Трихина

Светлана Игоревна Трихина

Камчатские рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67888617

SelfPub; 2022

Аннотация

Короткие личные воспоминания о жизни на Камчатке:
Вилючинск, Петропавловск-Камчатский. 2000-2007 гг.

Светлана Трихина

Камчатские рассказы

КАМЧАТКА. ВИЛЮЧИНСК.

Моя первая зима на Камчатке, полюсе снега, где служит Костя, мой муж, военный хирург. Здесь говорят просто -доктор. В аэропорту Елизово он встречает меня с трехлетним Женечкой, впервые в предверии нового 2000 года покинувшим родной Петербург, оставшийся позади, в девяти часах лёту. В машине звучит Земфира. Привет, ромашки... за окном обычный зимний пейзаж. Вместе с нами едет плотного вида медсестричка, что-то там нужное покупавшая в Елизово. За горячими источниками Паратунки сворачиваем влево – на КПП ЗАТО. Контрольно-пропускной пункт закрытого административно-территориального образования. Это въезд на тихоокеанскую базу наших подлодок. Обязательная проверка документов, и пошла виться между сопками дорога с глубокими кюветами по сторонам.

Гражданская часть города на берегу бухты Крашенинникова называется Вилючинск. На сопке с красивым именем Колдунья – горнолыжная трасса, под сопкой городская больница. Переломанные лыжники, как шутит Костя, влетают в операционную прямо с лыжами. Огибая бухту, останав-

ливаемся напротив острова Хлебалкин, где есть небольшой маяк. Делаем фото.

База наших подлодок, любимое осиное гнездо, носит гордое имя Рыбачий. Военный городок сам по себе – это специфика, а база подлодок – это суперспецифика.

Мы живём на Семи ВетрАх, в районе наверху сопки, на улице имени Степана Петровича Крашенинникова, автора знаменитой книги «Описание земли Камчатки». Он и бухту-то ту описал, которая теперь носит его имя, и величал Тарьеиной губой. С соседний сопки Тарья виден весь наш городок.

Выше наших домов только три дома на Восьми ВетрАх, лицом на Петропавловск-Камчатский и вулканныю панораму. Если на этом пяточке сильно раскинуть руки, они почувствуют подъемную силу.

С сопки вниз бегут лесенки с перилами, не сплошную, а разрозненными островками. Полдень. Валит хлопьями снег. Сверху, разметая его полами шинели, быстро бежит человек.

Мы: «Серёга! Привет!»

Серёга: «Простите-простите, я очень спешу!»

Минут через сорок мы видим в окно, как довольный, румяный и очень пьяный Серёга, перебирая руками по перилам, медленно-медленно поднимается наверх.

Успел.

КАМЧАТКА. ХВОСТИКИ.

1999 год, декабрь. Я – камчатский новичок. Святая простота! Когда улетала, весь мой петербургский бомонд – друзья, сослуживцы, знакомые – провожали как декабристку, с криками и плачем: «Мы тебе и тут икры купим». Прямо «Звезда пленительного счастья» какая-то. Забавно, что все мужчины были за отъезд, а дамы – категорически против.

Правда, от истины недалеко, только-только перестали после 1998 готовить еду на кострах, за отсутствием электричества, а газа на Камчатке нет.

Для меня сюрприз.

– Пойди-ка в ванную, – говорит муж, – там тебе ребята пару хвОстиков передали. Сготовь чего-нибудь пожрать.

В длину всей ванной лежат рядком два здоровенных зимних кижуча. Поднять я их не могу, они тяжелые и скользкие. Пырнуть ножом тоже не удаётся, недаром коряки из лососёвой кожи что хочешь шьют.

Всё перепробовала, вся перепачкалась, прямо боИ с лосОсями в грязи, плюнула, кинула уже некондиционную одежду к хвостикам и пошла варить сосиски, кроме которых, по словам мужа, ленинградцы ничего не умеют делать.

ПотОм, си-и-льно потОм, я научусь всему: разделявать рыбу, «грохотАть» икру, делать тузЛУки и «пятиминутку». А сегодня я варю блокадные сосиски и жду мужа.

КАМЧАТКА. СЕЙСМИКА.

Позади «рубикон» порога первого камчатского жилища. Декларирована и первая заповедь: «Будет трясти – на улицу не выбегать! Не позориться!» Лестничные пролёты – они падают в первую очередь. Вставать в дверные проёмы капитальных стен, чтоб по башке ничем не съездило, и ждать, сопеть в две дырки.

Страшен толчок, он мгновенен, его не подловишь. Как экстренное торможение с откатом на исходную. РАЗ-ДВА. Устоять на ногах невозможно. Ну, это уже баллов пять.

На обычные два-три внимания не обращают. Даже радуются. Шестнадцатизэтажка в центре Петропавловска качается макушкой, с амплитудой метра в полтора, как вынос при повороте у венгерского Икаруса с кишкой-гармошкой. Напряжение снимается. Хорошо. Значит крупных толчков не будет.

Хотя иногда, при сильной тряске, некоторые всё же манкируют своими обязанностями. Петропавловск-Камчатский. Стоим в очереди в Сбербанке. Несколько окошек, к каждому человек по десять. Начинает потряхивать. Сначала слабо, потом посильнее. Кассиры исчезают из окон. Очередь не расходится, выкрикивая голосами активистов: «Верните кассиров, а то мы их сами закопаем!»

В народе живы воспоминания о страшных землетрясениях и цунами. Опираясь на это, МЧС любит нагнетать обстановку в ожидании катастрофических семи-восьми баллов. Авачинский свой пар спускает регулярно, в несколько столбов, а вот Корякская сопка стоит не шелохнётся, укутав макушку сферическим облаком. Считается, что она будет извергаться мощно и стремительно, выбив пробку из кратера.

Одно время все жили с «тревожными» чемоданчиками у входа, ну, где всё самое ценное, чтоб наготове. Землетрясение всё не приходило, зато стали наведываться деклассифицированные элементы, ходи да собирай чемоданы, как грибы;

и перестали ждать: все, кроме МЧС.

Лет через пять мы переедем в Петропавловск на Солнечную улицу, и каждое утро, в окне кухни солнце будет вставать за вулканами. А сейчас с Восьми ВетрОв я смотрю на них с обратной стороны, через Авачинскую бухту.

КАМЧАТКА. НОВЫЙ 2000 ГОД.

Новый 2000 год встречаем в просторном военном госпитале Рыбачьего. У Кости дежурство. Высокие потолки, гулкие коридоры. Накрывать поляну и отмечать медики умеют. В процессе веселья ко мне, время от времени, подсаживаются доброжелатели женского пола с фразой: «А Вы знаете, что Ваш муж...» – Знаю, – говорю я, – но меня интересуют только денежные потоки.

– Ну, и стерва! – решают доброжелатели, и жизнь входит в мирную колею.

КАМЧАТКА. ДЖИНДАЛ.

Солнце здесь яркое и сильное, и его невероятно много. Можно сказать -сплошное солнце. Наступающая весна начинает разогревать кровь жителям посёлка.

У нас, в Рыбачьем, достаточно питейных заведений. На всякого мудреца. Рыба помельче и любители внезапно получить по морде колготятся в баре «Эфа», где челове-

ская жизнь не стоит и цента. Офицерский состав любит пить в долг на добротных, зеленых, ломберных скАтертях кафе «Ленинград».

А вот ресторан «Джиндал» – это легенда, это – миф. Именно здесь бьётся алкогольное сердце посёлка. В этом, оживлённом аквариумами и шестами для танцев заведении обкатываются новички, прибывшие на базу.

Оцениваются два умения. Во-первых, как ты умеешь пить или не пить; и с кем ты умеешь спать или не спать, во-вторых. Результаты тестирования моментально вносятся в облачное хранилище посёлка, после чего каждый житель чётко знает, что можно от тебя ожидать. Встречаются индивидуумы, не доверяющие облакам. Их убеждают: кого вербально, кого физически.

Доктор, кивнув официантке на «Вам как всегда?», сидит и пьёт, ему составляет компанию Саня. Они обсуждают жён.

– Стою на остановке у ДОФа (Дом офицеров), ну приняв-ши чутка. Жду автобус. Народу! Твоя на машине подъезжает. Открывает окно. «Сань, -говорит,- тебя подвезти?» Не успел рта открыть, она с места по газам, с проворотом колес.

– Саня, ты рот-то быстрее открывай. Она резво ездит, голуби с дороги взлетать не успевают, – говорит доктор и потирает ступню, на которую жена наехала давеча, сдавая у госпиталя задом. Петербурженка чёртова.

– Ну, давай.

Они выпивают и некоторое время молчат, чтобы не испортить эффект.

Камчатка. Черемша.

Весна на Камчатке – это время черемши.

В Петербурге на Кузнечном рынке, в соленьях, среди синевато-розового в маринаде чеснока, ярких, как зимородки, пупырчатых малосольных огурцов, лежали горками связки мутно зелёной черемши, расцветки школьных стен, и крепкие жилы их стеблей, со вдавленными в жёсткую мякоть нитками, напоминали тяжело дышащую даму в корсете. Хотелось полоснуть по ним острым ножом, чтобы зелёные унылые черви обрели наконец свободу и были съедены весёлыми птицами -людьми.

Первый раз довелось увидеть, как под весенним солнышком растёт вольная дышащая черемша, на Зеленчуке, мы сплавлялись по нему на каяках и катамаранах. В начале похода поднимались к невероятной красоты Софийским озёрам. Горные озёра со своей зеркальной невозмутимостью

наносятся на географическую карту души сразу тем цветом, в котором ты их застал. Озёра – фотоснимки неба; в тяжёлые дни ты снова окунаешься в этот цвет, и душа твоя плавает в нём, не нарушая неподвижности вод. Альпы и Татры, Кавказ и Камчатка, их озёрами нельзя наглядеться, как нельзя напиться талой водой их ледников.

Впрочем, черемша не эдельвейс, не любит высоко забираться. По весне бурый ковёр прошлогодних листьев, их истлевшие, проеденные снегом и жуками, сквозные пластины проклюнуты остро отточенной зеленью ростков. Их уже можно собирать, можно и когда над сухим пергаментом мёртвых листьев черемша раскинет два ярко зелёных заячьих ушка, как знамя победы жизни над смертью.

На Камчатке проростки черемши собирают огромными пакетами, как витаминную зелень: в салаты, начинки; и для маринада на зиму. В банках красиво уложенная черемша чуть буреет, но остаётся зелёной, настаивая в себе свой чесночный запах. Эти банки в веснушках перечных горошин уставляют балконы всех наших знакомых. На Камчатке любят черемшу. Стебли не используют. Если растение выкинуло розетку с соцветием, по камчатским меркам, оно уже ни на что не годно. Пора папоротник заготавливать.

Теперь, когда на Тверском бульваре Москвы я вхожу

во флорентийский полумрак вестибюля ресторана «Палаццо Дукале», где в канделябрах мечется огонь живых свечей, а венецианское каминное зеркало отражает пуки красных амариллисов, в стеклянных квадратах ваз, я, зачем-то, вспоминаю камчатскую черемшу, одного с ними семейства, увы, не растущую в пределах Садового кольца.

КАМЧАТКА. СПАСЁНКА.

С наступлением лета ареал обитания расширяется: подъёмы на Тарью, походы к дальнему большому маяку на океан.

Мелкий песок просёлка сеется сквозь открытое окно машины на мои коленки и молочные ляжки в коротких шортах. Муж стряхивает его, задерживаясь рукой на внутренней стороне бедра. Такой тёплый, нежный, супружеский жест, мой любимый. Рука легко вспархивает белым голубем – переключить передачу – и опять возвращается на тёплый намест. Есть в этом что-то математическое. Аксиома. Держать человека за ногу и молчать. Только не за коленку. Не лошадь и барышник. Я за несуставные отношения.

Мы едем купаться на Спасёнку, в бухту Спасения. Яркое солнце и, пухлым амфитеатром, желтый песчаный пляж, куском топлёного масла среди черных вулканических песков тихоокеанского побережья. Мысы сжимают бухту в ровный

овал, в котором океан дремлет невероятно выпуклым мениском, серебрясь мелкой чешуёй волны на зенитной игле хребта. Игла эта сверкает ослепительным блеском, сжигая глаза.

Нескольких шагов достаточно – зайти по грудь.

– У-у-у, – гудит солнечный, по определению Тихий, океан и протягивает ко мне сильные магнетические руки своих strong current'ов.

– Ныряй и держись левее, тогда течением вынесет на мыс, – кричит мой любимый мужчина, – иначе...

Но ноги мои уже оторвались ото дна, и стремительный берег отпрыгнул вдаль.

– Левее, левее, левее, – шепчу я сквозь зубы и солёную воду во рту, борясь с тихим, но цепким океаном.

Хорошо, не услышала последней фразы инструктажа по РБЖ. Руководства по борьбе за живучесть. Точка. Значит, справлюсь. Восклицательный знак.

КАМЧАТКА. ЖИМОЛОСТЬ.

Камчатка – удивительно благодатный край. В чистейших реках кишит рыба. В бухтах – крабы и мидии. В сезон – гри-

бы и ягоды вёдрами. Можно самим поехать пособирать, но лучше централизованно, с госпиталем: чтоб заехать поглубже, где даров природы погуще.

До лона этой разнежившейся у подножья Корякской сопки природы нас, с большим трудом, доставил госпитальный ГАЗ-66 или, как в народе говорят, «шишига». Пришлось вырубать кой-какие мелкие деревья, заполонившие дорогу.

По прибытии, прекрасная половина больничного штата и жёны его оставшейся половины стали собирать в вёдра с высоких полутораметровых кустов крупные, сладкие ягоды жимолости, синие с сизым налётом. Собирать одно удовольствие. Много её, очень много. Видом парно растущие ягоды смахивают на голубику, а на вкус слаще, черника черникой. Созревает жимолость в конце июля- начале августа.

Не секрет, что на Камчатке медведи кушают людей. Дальнобойщиков на ночных стоянках и кабины не спасают. То же мясо, только в консервной банке. Поддел когтем, открыл, голову отъел, а остальное прирыл где-нибудь, пусть доходит. Поэтому мы ходили парами, чтобы в случае нападения напарник мог воссоздать хронологию события. Командовал госпитальным женским батальоном, брошенным на жимолостный фронт, наш зам. по МТО подполковник Шилин, спокойный, незлобный, очень милый человек, который и от-

вечал за наше благополучное возвращение.

Сбор утомлял, в первый раз всё-таки! Моя напарница – ягодка за ягодкой, кустик за кустиком – скрылась из глаз. Побродив среди кустов жимолости и попинав мухоморы, решила тихо, по –английски, вернуться к машине. «Скоро обед! – рассудила во мне Василиса Премудрая, – все сюда, на полянку, подтянутся». После чего премудро заснула в тени, под грузовиком, овеваемая запахом цветов и гулом насекомых.

Пробуждение окунуло в странные разговоры. Обсуждали как лучше сообщить доктору, что пропала его недавно прибывшая жена. Выползла на свет божий, желая принять, участие в обсуждении, и была найдена утомлённым и взвинченным бесплодными поисками коллективом.

Вскоре волнение улеглось. Все выпили и закусили, потом ещё выпили и закусили, потом ещё... Стал веселее глядеть и товарищ подполковник, дай бог ему здоровья на многие годы. Погрузились с ведрами в кузов, стартанули, и через километр пробили срубленной берёзкой правый бензобак. Но это мелочи, у нас оставался левый, абсолютно целый.

Главное, что жену доктора не съел медведь. Ведь он может, ох как может!

КАМЧАТСКАЯ ЧЕСТНОСТЬ. 13-ЫЙ КОРДОН.

Народ на Камчатке тоже особый. Честный, прямой, дружелюбный. На выручку придёт любой, не пройдёт, не проедет мимо. Даже мимо таких безголовых, как я. Завелась у меня с юности нехорошая привычка – оставлять сумки в общественных местах: повесить на спинку стула, встать и уйти, чтоб минут так через пять вспомнить, вернуться и не найти её. Поэтому муж за мной придирчиво следил.

Так вот! Везли мы с Костей из Петропавловска в Вилючinsk крупную сумму в рублях, щедро приправленную валютой. Местом её дислокации была выбрана пухлая барсетка коричневой кожи, весьма импозантного вида.

Погода чудесная. Авачинский вулкан парит в две трубы. В четыре он тоже умеет. Кипит чайник! Вьёт белый кудрявый дымок.

Чтобы к нашему и так хорошему настроению добавить лишний градус, заезжаем на 13-ый кордон, в шашлычную, хитро совмещенную со страусиной фермой.

Тут можно на собственном организме испробовать, больно ли кусаются страусы. Кормить их всё равно нельзя, о чём предупреждают рекомендательные таблички с текстом: «Страусов не кормить!», ошетиненные восклицательными

знаками. Серо-чёрные страусы лихо носятся по вольеру.

Мы сидим за уличным столиком, на скамейке. Едим нежный, сочный шашлык. Нет, не из страусов, из свинины. Проклятая барсетка наручником сковывает мне запястье правой, толчковой руки. Тихонько высвобождаюсь и кладу нашего маленького поросёночка под бок моей свиноматочной сумки, с коей можно безбедно жить месяца два-три в условиях крайнего Севера.

Весеннее солнышко морит и дремлет. На Камчатке кроме трехдневных циклонов, которые начисто прекращают всякую жизнедеятельность вне дома, круглогодичное, тёплое солнце. Снег? А что снег? Он и в июле ещё лежит в распадках, а народ уже купается в океанских + 14-ти по Цельсию.

Довольные обедом, втаскиваем тёплые, сытые животы в машину. «Сумку взяла», – благодушно проверяет муж. Я киваю.

Движение моих колен и сумки уже синхронизировались с качкой, подсознание тоже вошло в резонанс, вдруг муж, взглянув на мои покоящиеся на сумке руки, в авангарде вопроса-ответа: «Ё-моё, барсетка где...» – ставит автомобиль на дыбы, даёт шпоры и гонит его вспядь, как сибирь-

ские реки, обрывая трос педали газа.

На скамейке барсетки нет. Под уничтожающим взглядом, учу роль Дездемоны. Идём внутрь.

– А, та барсетка, что на улице оставили?! Вот!

Достают из-под стойки и грохают рядом со стопкой меню нашу жирную хрюшку.

– Клиенты с улицы принесли.

Ни один рубль не упал с головы, вернее из чрева портмоне. Все «моне», до единого, были «портИрованы» до нас. Меня это потрясло.

Когда я, ещё студенткой, оставила в Петербурге, в кафе-мороженом свою первую сумку, положив тем самым начало традиции, в милиции вместе с протоколом о пропаже сумке мне вручили рецепт на бром для улучшения памяти. «А если не будет помогать, – сказали они, ласково улыбаясь, – милости просим к нам, будем улучшать лично».

КАМЧАТСКИЕ НАТАШКИ. НАТАША № 1.

В своё время Лев Николаевич пришёл к утешительно-

му выводу, что все счастливые семьи похожи друг на друга. Конечно, не мне спорить с классиком, которого мы читаем вслух всей страной; тем не менее эта семья была счастлива по-своему.

Жену звали Наташа, была она девушка видная и модная, стройная блондинка с длинными выющимися волосами.

В семье имелся мальчик и ещё мальчик, короче двое было мальчиков. Старший, уже увесистый молодой человек обломал пополам подоконник в кухне, в результате непрерывной коммуникации с друзьями через форточку. Это было мощным аргументом в семейных спорах, которым пользовались оба супруга: она – так и не починил, он – плохо воспитываешь балбеса, всё на форточке висит.

Младший ошибок старшего не повторял или умело заметал следы. На день его рождения круг детей и взрослых пересекался только на вручении подарков, после чего праздники шли параллельными курсами, причём взрослый развивался стремительнее за счет горячительных напитков.

Муж был человеком исключительной бережливости и обычно копил на какую-нибудь нужную мужскую прибамбасину. В конце процесса накопления, когда до мечты становилось рукой подать, Наташа имела обыкновение покупать, ме-

тодом внезапного озарения, необходимую ей женскую штучковину.

Ругались они постоянно, в шумных общественных местах и в семейной тиши, но это нисколько не портило их любви. Намереваясь, по отдельности, в разговорах с друзьями, разойтись, они ворковали, встречаясь дома.

Наташа обладала уникальной способностью разгонять посиделки мужа с сотрудницами, опрокидыванием столов с накрытыми полянами. Это было страшно и восхитительно одновременно!

– А, кто мне писал письма «Наташа, любимая, приезжай!», а?

– Ничего я такого не писал! Вот!

Органично-гармонично. Не каждый так сможет, друзья, не каждый!

КАМЧАТКА. КОВЁР.

Нигде так хорошо не пьётся, как в гарнизоне, в циклон. Вкусна водка. Божественно шило.

В гостях у нас Наташка № 1 с мужем Игорем, и все мы сидим на кухне. Только Женя, наш старший, у себя в комнате за компом.

За окном валит очередной снег. На столе разносолы и холодная водка. Мы беседуем. Душееевно. Уж слегка наклоняясь друг другу.

– Солнышко, у нас осталась черемша? Принеси.

Начинаю идти на балкон. Там холодно. В щели наметает горками снег, и он висит бахромой на окнах, по кругу, оставляя маленькие круглые иллюминаторы.

Я стою, мерзну и слушаю завывания ветра.

Ставлю банку на ковёр, чтобы закрыть дверь.

На кухне слышны голоса и смех. Рассказывают какие-то истории. А вокруг меня зеленое море ковра командира подлодки, в квартире которого мы живем.

Мне тепло и уютно. Приятная тяжесть во всем теле. Полудрёма баюкает.

Ребята заходят попрощаться. Садятся на коленки. Целуют

в лобик. Накрывают одеялом.

Тянет свежестью из-под балконной двери. Я сладко сплю до утра, сжимая банку с маринованной черемшой.

КАМЧАТКА. МОРОЗКА.

Морозная – горнолыжная трасса под Елизово, знаменита забором вокруг базы – из сломанных разноцветных лыж.

Покончив с елизовскими делами, уже глубоко после обеда, поехала туда по скользкой ледовой дорожке. На Тойоте Королле, дизельной белой ласточке, выносливой праворульной японочке.

Через пару часов густо-розовый закат раскинул крылья на морозном небе, намекая, что всем замужним Барби давно пора домой. На белокрылой Тойоте двигаюсь аккуратно, не выше 3 –ей скорости. С дороги бы не улететь! За мной караваном тихонько, не резвясь, едут другие горнолыжники. Держат дистанцию.

Звонок на мобильный.

– Ты где?

– Уже подъезжаю! – рапортую, безбожно «вря» и автоматически включая следующую передачу, тороплюсь ведь – нивелировать расхождение с ответом.

В ту же секунду задние колеса отказываются подчиниться моей несгибаемой воле. Согласно технике управляемого заноса, ухожу передними в ту же сторону, пытаюсь выровнять машину. Виляя задом вправо-влево с увеличивающейся амплитудой, с трудом держусь на дорожном полотне.

Дорога предательски сворачивает крутым виражом направо. Всё. Приплыли. По дуге, через встречу лечу по раскату к снежному брустверу, сооруженному шнеком на обочине. Моё управление автомобилем закончено. Отдыхаю, вцепившись в руль, чувствуя всем телом, как меня заваливает на правый бок и в кювете перевернёт. На подлете к снежной стене хочется потянуть на себя штурвал. Не-а! Фонтан снега! Прямо, как у Сурикова, «Взятие снежного городка». После столб пара! Ничего не видно. Лежу на правом боку. Больно от впечатавшейся в него дверной ручки. Спасибо глубоким камчатским снегам, да молоденьким деревцам, на которые меня навалило. Не на крыше!

Наверху, в левом окне появляются тревожные лица.

– Живая?! – Да.

– Открой окно.

Через него меня вытаскивают ребята из машины, что ехала следом.

Начинается операция по спасению Тойоты. Все авто из каравана, что были позади, стоят уткнувшись носами в обочину. Останавливаем ПАЗик, с подростковой горнолыжной командой. ПАЗик делает тодес на льду дороги, прихваченный тросом, уходящим в трещину глетчера, к заднице моего автомобиля. Вся народная масса, включая меня, невольного сценариста, этой эпопеи, толкает ПАЗик в рыло, за которое привязан другой конец троса.

Под «раз, два, взяли!» Тойота вытащена. Оторванный передний номер закинут весёлым людом в машину. Передо мной открыта водительская дверь.

– Прошу, пани!

– Не поеду!

– А кто в твой ЗАТО поедет?! Пушкин?!

КАМЧАТКА. ПАРАТУНКА.

Камчатская зима длинная и не суровая, залита весёлым одуванчиковым солнцем по самый край, будто шампанским, на бокальном дне которого наш посёлок искрится и посверкивает, пуская пузыри удовольствия.

Бьют и рассыпаются пайетками фонтаны снега, это снежки подчищают за циклонами дороги, формируя снежные лабиринты с боковыми срезами почти лазерной точности.

«Снега и солнце – день чудесный», писал бы восторженный камчатский Пушкин и непременно бы кого-нибудь запрягал. Лишь крещенские морозы покроют белым от дыхания куржаком балаклавы и шарфы.

Костя в отъезде, а на проводе друг семьи, подбрасывая и ловя красное яблочко, шипит:

– Светик, у меня по случаю номер в Паратунке, поедем, поплаваешь.

Надо сказать, что не VIP'повый бассейн горячих источников – это раздевалка спортзала, где вся нежность, истомлённость и поволока сеанса осаживаются спортивной суровостью обратного переодевания. Другое дело – номер люкс, с посудой, мягкими диванами, бормотанием плазмы, где всё

приобретенное – впрок.

– Ну, ок, – соглашаюсь я, прикидывая в уме «ну, как-нибудь вывернусь», – только мне ребенка девать некуда, возьмём с собой.

Четырехлетний Жека с соплями, купаться нельзя, в номере одному – тоже неудобно, по сему он отравлено бродит по берегу бассейна, с байроновским видом, пока другосемейный Ихтиандр плетёт виньетки хитрых словес.

На выходе, у бассейной лесенки Жека жарко шепчет мне на ухо:

– Мам, я писать хочу. Давно.

Стоящий ступенькой ниже Ихтиандр, быстренько оценив уровень опасности (военный же), лихорадочно ищет ключ, наша тройка галопом бежит в номер (в центре Жека в дублёрке, по бокам мы – в мокрых плавках), аварийная распашка дверей настезь, экстренный съём комбинезона... романтика!

Телевизор по-прежнему весело галдит, закипает чайник, а Ихтиандр снова – просто друг семьи, который варит кофе и думает о сухой одежде.

Вот так легендарный поход в туалет испокон веков спасал и двоечников, и отличников боевой и политической подготовки.

КАМЧАТКА. СЛУЧАЙ НА ДОРОГЕ.

Чтобы не скучать без работы и помогать мужу, занялась я тяжёлым аптечным бизнесом. Уже с первой аптекой число разъездов и их радиус резко увеличились. Вот и сегодня, вроде всё, как всегда. Тоже небо. Опять голубое. Внезапно двигатель стал резко терять в мощности, печально вздохнул и заглох. Случилось это километров за 15 до Петропавловска-Камчатского, куда мы утречком рано отправились с провизором Женей, по делам аптечным, в обл. администрацию и дефектуру кой-какую закрыть.

Всё покажется ещё прозаичнее, если скажу, что Женя – провизор женского пола. Неудачно в данном случае было не только с полом. С потолком имелись не меньшие проблемы. В наших кругах я, сама не без греха, считалась менее «подвешенной на голову». Сегодня, однако, градус моей «подвешенности» норму превышал: на улице сильный мороз, а диз. топлива у меня – почти нули. Вот подача и перемёрзла.

Вообще-то в Петропавловске сильные морозы редки. Кли-

мат смягченный, приморский, тёпленькое солнышко, это не Анадырь, не Корякский автономный округ, но иногда и у нас бывает зашкаливает. Женя открыла дверь, и мы сразу же оледенели, как в фильме «Послезавтра», где вертолёт рухнул, по причине того же замёрзшего топлива.

Одевались мы вовсе не для таких фильмов, а для администрации: красивенько, чтобы проблемы порешать. На Женю – тоненькая кофта, джинсы с заниженной талией (читай с «голой спиной») и курточка в пояс из каких-то синих перьев. Из-за этого её хрупкая фигура похожа на Ванессу Паради, внимательно высматривающую с крепкой ветки, не видно ли где какой падлы, ой, извините, падали.

Я была одета в меха, не очень густые и длинные, да и под ними было не густо, но всё же лучше, чем Женя; особенно если учесть, что на мне были сапоги, а не кроссовки. Поэтому на дороге пришлось отправиться моей персоне. Первая же машина остановилась, чётко следуя негласному кодексу удалённых территорий.

Пернатая Женя села в тёплое авто нашего спасителя, косить глазом и щёлкать клювом (она была девушкой свободной), мне пришлось лезть в свой холодильник, за обледенелый руль, следить сквозь морозные узоры на лобовом стекле за стоп-сигналами буксира. Ног я не чувствовала, тормозила

какими-то свиными копытами, оскальзываясь с педалей.

На первой заправке, залив полный бак, мы завелись, прогрелись вместе с машиной и стали думать.

– Жень, а ну её, администрацию эту. Поехали в Паратунку, в тёплый бассейн. Водки выпьем, шашлыков съедим, а то заболеем нафиг!

– И то! Поехали!

И наша зверо-пернатая компания бодро легла на обратный курс.

Камчатские Наташки. Наташа № 2

Петропавловск-Камчатский – это город-трамвай. Он вытянут вдоль побережья Авачинской бухты в подножиях сопкок. Дома взбегают по склонам, образуя параллели, неширокие рисовые поля улиц, спаянных лестницами, дорожками, проходами, на вроде рёбер меридианов. Только одна петлястая автомобильная трасса идет через перевал, мимо смотровой площадки. Межуличные перепады Петропавловска – значительны, а местами реально мощны.

Мы едем в гости. Муж, друг, сын и я, с еще одним сыном внутри. Гололед. Сверху лежит свежий снежок, и внеш-

не покрытие внушает уверенность. Однако, прямолинейное движение не бесконечно, и мы смело сворачиваем вниз, на дорожку, сбегаящую крутой горочкой на другую параллель. На меридиане машина моментально превращается в санки. Они несутся по льду, смазанному пушистым снежком, подпрыгивают, в лучших традициях Санты, и застывают на газоне. Из окна пятого этажа высовывается лохматая голова:

– Девятые на сегодня, – сообщает она равнодушно-статистическим тоном, оглядывая новичков санного спорта.

Мы с сыном, впечатленные быстротой езды, вываливаемся в глубокий снег газона и бредём одну парадную вбок, до Наташиной квартиры.

– Где Костя с Валерой? – спрашивает она озабоченно, косясь на мой живот и перевернутое лицо.

– Машину с газона вытаскивают, – сообщаю я.

– Олег, помоги там, – кричит Наташа, подталкивая меня к кухне, прямо в заснеженной дохе.

– Сейчас, Светик, сейчас! Клюквенной наливочки! Сама делала!

Она всовывает мне в руки рюмку, принаклоняя её за дно с моим дрожащим губам. Открывает кухонное окно и кричит:

– Ребята, ну что там?

– ****е*! Джип свернул! – встречает незнакомый голос, бравурно влетая в окно.

Он, явно, принадлежит голове с пятого этажа. Далее слышны голоса «наших»:

– Валера, отбегай нахер!

Звук удара и тишина.

– Пойдем посмотрим, – роняю я.

– Нет, – мудро заключает Наташа, наливая вторую рюмку.

– Вот, клюковка! Пей!

КАМЧАТСКИЕ НАТАШКИ. НАТАША № 3.

Наташа № 1 и Наташа № 3 дружили семьями; и поскольку притягиваются, как правило, противоположности, были они с мужем Женькой абсолютными бессеребренника-

ми. Ничего не жалко, последнюю рубаху снимут.

Случилось мне рожать. А местный роддом в Вилочинске не принимает.

– Вы у нас на учёт не вставали. Что мне Ваш военный госпиталь! Шастали чёрте где, теперь пожалте – рожать она будет. Вы с Вашим анамнезом помрёте, а мне отвечать.

Закончив тираду, наш единственный акушер и перинатальный бог решительно отверг принесенный алкоголь и направил указующий перст в сторону двери.

– В Петропавловск!

Как на Берлин. Подошедший циклон нервно крутил первые крупные хлопья. Скорой нет. На легковой не доехать. Разве джип?!

Звоним Женьке, а дома только Наталья.

– Ладно, ребята, поехали.

Откинули переднее пассажирское сиденье, уложили меня пузом наверх и отправились навстречу приключениям.

Снег валит. Джип трясёт.

– Свет, ты только в дороге не роди, ОК.

Я киваю, как можно бодрее, придерживая руками живот.

– Не трясёт, – тревожно спрашивает Наташка, время от времени подпрыгивая на заснеженной трассе.

– Неа, Наташ, отлично, – мычу я неестественно весело, прислушиваясь к ёканию в животе.

Коротая время в такой несложной беседе, добираемся до Петропавловска.

Все трое громко выдыхаем – Уф!!! Здрате, роддомные прелести! Циклон уже воет, но это мелочи камчатской жизни.

КАМЧАТКА. МЕРЗАВЧИК.

Течение жизни меняло во мне мужчин, духи и напитки. Эти процессы казались не взаимосвязанно параллельными. Поначалу. Пригляделась и поняла. Душечка, с*ка, она и есть душечка. Менялось всё одновременно. В первую голову духи, как основа. К этому прихе*ачивалась какая-нибудь

«наша» мелодия, а в арьергарде шли напитки, с чем-нибудь там наперевес.

Впрочем, трое из них гордо возвышались над этой дурью, не привязанные ни к чему. Вот о самом ласковом, тепло-сонном, как подмятый Тедди, напишу здесь пару строк.

Нашему младшему сыну исполнилось несколько месяцев, и в один из дней, спасаясь бегством от домашней скуки, мы сели вчетвером в машину и поехали в Мильково, 300 километров, по грунтовке, без видимой причины, сосредоточенно молча. Ночь и утро провели в гостинице, и просто поехали обратно.

Стемнело, крупные хлопья снега бились в стёкла и трассирующими пулями мчались в свете фар. Пустынная дорога казалось бесконечной. Я зябла.

– Котёшь, купи мне мерзавчик, – прошептали мои губы в яркий свет заправки.

Через пару минут руки сжимали маленькую круглую бутылочку, с высоким горлышком и коричневой этикеткой «Коньяк. Московский». Я любовно гладила её бока и незаметно, боясь испугать её девичью чистоту, срывала резьбу

крышки. Еще несколько движений винтом, и теплота вплыла в тело. Вбирая в себя серый пейзаж за окном, смаковала мелкие бутоны глотков: чувствуя себя Гердой, у теплого очага, с протаенным в морозных узорах теплой монеткой кружочком, а за стеклом бились выюжные хлопья, утяжеляя мои свинцовые веки.

Камчатка. Руслан Адамыч Эпизод первый

Солнышко припекает. В снегу – берлога. Носим в неё припасы. Прогрессивные медведи, перенявшие полезную привычку затариваться в супермаркетах. Наши напитки содержат спирт, он горит в спиртовках наших желудков, излучая тепло, вместе с очагом, готовым под шашлык.

Женщины, Злата и я, одеты в шкуры мехом внутрь, правда, моя дублёнка длиннее. Камчатские мамонты любят нас из мёрзлых глубин, опасаясь за свои бивни, на которые нацелились корякские косторезы.

– Златочка, – говорит Руслан Адамыч, – вы со Светой не делайте ничего, просто будьте рядом с нами.

Руслан Адамыч напоминает Чичикова. Румян, речист, улыбчив, того и гляди, скажет:

– А вот блинцы у Вас, матушка, хороши...

Злата – невеста Руслана, тот редкий вариант, когда финансовая сторона не мешает, а укрепляет любовную. Энергия Руслана Адамыча имеет как бы урановую природу. Он – атомный колобок, что ни от кого не убегает, а сам кого хочешь съест, а не съест, так заразит своим жизнелюбием, как чумой, по самое не балуй.

Эпизод второй

Начало ночи. Госпиталь в Рыбачьем. Обмытие новых лычек Руслана Адамыча подходит к финалу.

Вся компания, хорошо затеплевшая, кроме Валеры Попова, он дежурит, вываливает на улицу. После капельницы с дициноном пытаюсь незаметно улизнуть домой, сосед Олег полчаса как ждет на машине у ворот. Сама сесть за руль не могу, сильное кровотечение, мальчики дома одни, Костя в Москве.

– Светочка, – слышу я за спиной ласковый голос Руслана, – я, как зав. гинекологией, тебя не отпускал, ты помрешь, Костя с меня спросит. Марш в палату!

– Дети дома одни, Олег ждёт у ворот. Отпусти! – начинаю я жалобно канючить.

– У меня распорядок не смей нарушать! Игорь, назад её! – доктор Морозов охапкой несет меня к дверям.

Размазываю слёзы, названиваю Олегу.

– Потерпи десять минут, – говорит наш рыжик, Валера Попов, – они сейчас уедут, отпущу. Только заплохеешь если, не тяни, чтоб скорая успела доехать.

– Валер, что я дура?! – выдыхаю я благодарно.

Уже хорошо научена, да, и не боишься как-то.

– Два кесаревых сечения, что же Вы, милочка, хотите, черт его знает, что у Вас там к чему пришили!

Эпизод третий

Военный санаторий «Паратунка». Руслан Адамыч в своем кабинете. Очень рад. Меряет его шагами. Наливает коньяк. Расспрашивает наши дела.

– Да, что ты !? – вставляет он периодически в хождение.

Секретарша тихохонько просовывает голову в дверь.

– Руслан Адамович, там...

– Па- даж –дите...

...и так он произносит это своё «падаждите», сильно налегая на "и", что чудится Кремль, стакан с дымящимся чаем, куранты Спасской, а рука сама так и тянется карандаши поточить.

КАМЧАТКА.ЦИКЛОН.

В Петропавловске Камчатском шесть вечера. Смеркается.

– Свет, останься, а ?! Метёт уже.

– Наташ, ну что мне весь циклон у тебя в Петропавловске торчать? Проскочу.

А снег всё сильнее. Время сворачивать с трассы Петропавловск – Елизово, да поворота нет. Вернее, я его не вижу, сплошная белизна. Встаю на правой обочине. Что, назад? Внезапно, впереди, метрах в ста уходит на поворот встречная машина. Ура-аа, за ней !!!

Господи, Боже мой, как необычайно хорошо быть ведомой! На габариты держи, пой да пляши. А ведущему – снега стена сплошная. Вот и правь, где пореже!

Собьёмся вдруг, всё не одной в пургу-то. Шест с тряпкой поставим, ночевать будем, водку пить, если водитель мужик(-ом) окажется.

Пить в циклон – это по-настоящему вкусно: поговорить, подумать и ощутить уют тёплого, закрытого пространства под завывание ветра и обвальным снегом.

КАМЧАТКА. ПРИНЦИП ОТБОРА.

На свете самые разные вещи объединяют людей. Нас породнила лестничная площадка и женские заговоры. Кроме того, весы с гирькой, простыни, шайки и заболевания, передающиеся баннным путём.

Нас трое: двое тезок, Светы, и Анжела, которая – Фёдоровна. Детей растим вместе, готовим вместе, отдыхаем вместе, на троих.

Коротаем зимний вечер, за чаем.

– Девчонки, я вот хоть голая дома ходи, он не увидит.

– Так и ходи.

– А дети?

– Может харизмы не хватает или не бьёт она его.

– Бьёт – не бьёт?! Проверять надо.

Своих дома нет. Будем брать подопытных: полный боекомплект, марш-бросок, ресторан "Джиндал".

Натанцовывая в ласковом кольце белых рукавов какого-то капдва, переглядываюсь с девчонками, метко уложившими харизмой офицерский состав.

– Вы вместе работаете? – спрашивает мой визави.

– Нет.

– Какой же у Вас принцип отбора?

– Общая лестничная клетка.

– Хм?!

– А как зовут Ваших сыновей?

– Евгений и Георгий.

– Благородно, – роняет мой кавалер, мягко вращая меня вокруг своей оси, совершенно оглохшую от музыки и вина.

ДОРОГА В УСТЬ-КАМЧАТСК. СОКОЧ.

Солнечное утро. Мы с Саней сидим через проход. Солнечные лучи пробивают автобус насквозь: из окна в окно. Мы наслаждаемся остатками асфальтовой цивилизации, убегающей из-под колёс назад, к Петропавловску; в Малках, на траверзе природных горячих источников, начнётся тряский гравий.

Мы голодные. Солнце жаркое. Мы жмуримся и думаем про остановку в СОкоче. Эта мысль страшно радует. На каждой трассе нашей необъятной Родины притаилась «пирожковая гавань», в которую сворачивает каждый усталый бриг – купить у местных аборигенов еды. Мы грезим о них, этих оазисах кулинарии, в километрах бескрайних дорог, вместе с нашими желудками, консолидирующими сок.

Наконец-то показались стройные ряды тётенок, с ящика-

ми, наподобие рыбацких. Автобус тормозит. Мы выходим. Вот они, пироги с экзотическими фруктами, охраняемые дружелюбными лицами туземцев, в капюшонах пуховиков.

ПирогИ и чай! Ассортиментные реестры, черным фломастерным почерком, ведут нас к чёрточкам цен. Я могу рассчитывать на два пирожка. Нет, денег у меня более чем достаточно, как у золотоискателя. Просто товар здесь не с ладонь, а с локоть! Выбираю – с рисом и яйцом, и на сладкое – с яблоками и брусникой.

Хорошо!!! Отъезжаем; и тут я вижу у Сани в запотевшем полиэтиленовом пакете третий пирожок. Заметив мое расстроенное лицо, он проводит пальцем в воздухе вертикальную черту, дескать поделим, не боИсь!

Мы закрываем глаза и начинаем думать про кафе «Таежное» в Мильково. Следующая остановка. Обед.

УСТЬ-КАМЧАТСК. КАПИТАН ДРАБКИН.

К переправе автобус подъезжает поздно. Темно, дождь, шквалистый ветер.

На том берегу, освещая фарами косую шрапнель дождя, нас ждет машина. Ветер треплет редкие чёлки трав, среди

песка и прибрежного плавника.

«Драбкин» пришвартован.

– Дамы, – говорит капитан, – моя каюта в вашем распоряжении. Чай принесут. До трусов не раздеваемся, холодно. Сильная боковая волна, не выходим, отбой до утра.

Мы стелим постель, раздеваемся до трусов (вторые сутки в одежде), заворачиваемся в одеяла, берём в руки горячие кружки. Вдыхаем парок, и видим, как по поверхности начинают бежать концентрические круги.

– Капец, «Драбкин» завёл машину.

– А что ты хочешь, где мужикам спать-то: либо с нами, либо на том берегу.

В трясущийся мелкой дрожью «Драбкин» бьет волна.

Трясётся всё. Страшно. Мы тоже трясёмся. Потихоньку паром идёт вперёд. Надо одеваться.

Под ливнем в машину, только ведь согрелись, и замелькали колеи в песке: быстрее- быстрее до посёлка, до тёплого дома, до рюмки водки, до свежей постели.

КАМЧАТКА. УСТЬ-КАМЧАТСК

Утро. Саня с Ларисой на работе. Дома я и ДОник. Дони́к –это тигровая стаффордширская терьерша, как-то часто попадаютя они по жизни, а вот доги, моя любимая порода, всё стороной да стороной.

На улице солнце и мороз (чтоб как-то увернуться от Александра Сергеевича), чудесный день... Собираемся на прогулку. Костя, как опытный и покусанный Дони́ком собаковод, предупредил меня: найти с ней общий язык сложно, чтобы я держала ухо востро, и я держу.

Аккуратно одеваем ошейник. Я – само почтение. Военный посёлок небольшой, из достопримечательностей: источник с часовенкой, характерно голубой, деревянный клуб и общественная баня. Мы с Дони́ком всё исправно обходим, если же вдруг отклоняемся от маршрута, сразу Саня узнает по связи, за нами следит весь посёлок, чтоб без случайностей. На самом деле мне живётся очень хорошо, и я даже тронута таким тёплым вниманием.

У меня одна забота: нервный характер Дони́ка. Когда мы выходим, порядок приятен: Дони́к впереди, я сзади, закрываю замок. При обратном порядке возвращения, когда от-

крываю дверь родной Дониковой квартиры, я крепко сжимаю ягодицы. Если она вцепится мне в зад, я вне зоны видимости Саниных аргусов...

Однако, мы так сдружились, что даже хозяева утратили бдительность. На отвальной я хлопочу на кухне, неуважительно мелькая белыми ногами перед самым носом стаффоршира. Наскучив этой наглостью, Доник ловит меня за лодыжку зубами, не до крови, так, чтобы обозначить.

Мои адвокатские протесты отклонены. Доник привязан. Костя торжествует по телефону.

Прости меня, собакин, вечно я обнаглею, почувствую себя богом и ненароком порву душевную ниточку. Прости...

КАМЧАТКА. ЧЕЛОВЕК С СОБАКОЙ.

Вот и на улице Крашенинникова настало лето, короткое камчатское лето. Весь поселок Рыбачий, а с ним и наши районы «Семи и Восьми ветров», загорают и купаются на океане. Мы сидим дома, семейный глава в командировке. Много с двумя детьми на Спасёнку не наездишь.

Выкатываю из дома коляску с полугодовалым Жорой, ставлю у стеночки. Женя с друзьями играют рядышком, раз-

влекают мальчишку. Я в халатике и купальнике быстренько избегаю по бетонной лесенке в сторону Восьми ветров, наверх на сопку. За откосом, поросшим иван-чаем, что розовым ковром устилает весь камчатский подлесок, начинается рощица каменной березы. Она совсем сквозная. Камчатская береза приземистая, разлапистая растет привольно, широко. В лесу всегда свободно и светло, змей нет, ходишь и сидишь безбоязненно.

По краю рощицы бежит тропинка. Я расстилаю полотенце и ложусь загорать. Сверху мне хорошо видно детей. Время от времени бросаю взгляд вниз. Тихо. В траве жужжит какое-то насекомье. Пусто. Людей нет.

Только в условленное время проходит мужчина, с собакой на поводке. Пара приметная. Пёс шествует впереди, неспешно, поводок меж ними напоминает опрокинутую дугу. По виду немецкая овчарка, хотя и не чистокровная, с характерным присестом на задние ноги и хвостом в землю. Дальше хозяин, невысокого роста мужчина, согнут к земле, фигура напоминает вопросительный знак.

Каждый раз, когда моё распластанное на земле тело попадает в поле зрения, он произносит одну и ту же фразу, адресуясь к собаке:

– А, вот и наш пляж! Видишь?! Наш пляж.

И всё. Более ничего.

Через много лет встречаю их в Подмоскowie, осенью. Оказывается, живем рядышком. Они всё те же, но теперь я стою, и они меня не видят. Просто проходят время от времени по краешку моей судьбы, как когда-то по узкой нагретой солнцем тропинке вдоль берёзовой рощи; теперь молча.

Я другая; и жизнь – другая, как каменная берёза, пилишь – пилишь, а воз и ныне там. Уж больно плотна, неподатлива. А они идут и идут не быстрой парочкой сквозь мой московский мираж.

КАМЧАТКА. БОМЖ ВИТЁК.

Кофе подрагивает в чашке. Выглянешь в окно – там московская жизнь. Считается, она кипит. Статистика – лженаука, ну, кроме трудов британских и американских учёных / вызывают неподдельный интерес в области задач/.

Тружусь в разделе «Мужчины, имевшие обыкновение целовать мне руки». Пятёрка; не в журнал за труд, мир и май, а количественный показатель. Он невысок.

Целовать руки – наивысший знак уважения женщине, признание её заслуг и добродетелей. Безоговорочное признание и делегирование полномочий казнить и миловать /забавно, «казнить» всегда на первом месте/.

Из пяти только один был казнён мною. Вспомнились вдруг декабристы. Вот сидят они, мои хорошие, на траве в белых рубашках, жуют травинки, все четверо, а пятый – бомж Витёк.

Витёк, Витя, Виктор, Виктор Петрович – вот так мотает нас жизнь по цепочкам имён, вверх да вниз.

Военный городок, как болото, трясина: отмирающие части медленно опускаются на дно и прессуются в торф, толщей умников над ними. Отверженные без Гюго. Кто-то привёз жену из далёких краёв и бросил её нахрен, кого-то поперли со службы и его бросила жена, а сады в Бессарабии покупать не на что. У кого-то было на что, а вот фьюить-фить-фить – спустил подъёмные, русские же люди, прости Господи.

Военные бомжи – интеллигентные, знающие, умеющие и добрые. Они, как дети, ждут новую семью, только никто этого не видит. У каждого – свои дела, свои дети, и только добрый военный бог посылает им кусочки тёплого счастья.

Как-то Витя, попросил его подвезти. Было это на остановке на Семи Ветрах, микрорайон наверху сопки. Так и повелось. Пятачок представлял собой ларьки, магазинчики, чуть вдалеке школа и козырёк остановки с лавочкой. От пятака дорога, обрешеченная с внешней стороны фонарями, сбегала вниз, делая крутой правый поворот. Огибала пятиэтажные заброшки, откуда школьники сигналы в глубокие камчатские снега, и доводила до Дома офицеров. Семь Ветров- ДОФ – таков был наш всегдашний маршрут. Мы никогда не разговаривали, просто я открывала дверь, сажала Витька и подвозила его до ДОФа, и никогда в другие места. Он нежно и трепетно целовал руку и уходил.

Я глотаю подостывший кофе и вижу, как Витя хлопает белой дверцей, солнце бьёт нам в лобовое, пока мы не свернули, слева бегут жилые дома, и там живет Миша Агафонов с семьёй, и в день подводника, после парада мы будем пить водку на ступеньках за ДОФом, глотая мартовский воздух, приправленный шашлычком, впереди сопка Тарья, левее бухта, где мы с Костей собираем мидий, я щурюсь, Витёк улыбается, а на заднем сидении сидит довольный военный бог, переплетя пальцы на аккуратном интендантском животики, мы входим в поворот, и всем нам очень вольно и хорошо.

КАМЧАТКА. ОДА ДЕЛИКЕ.

Машин на Камчатке было много и машины были разные, впрочем, их объединяла всеобщая праворульность; на то он и Дальний Восток, где Япония с Кореей ближе Большого Камня. Каких-то проблем этот факт не привносил: руль у всех правый, значит и обзор у всех одинаковый. Кроме того, при правостороннем движении водитель находится далеко от встречной полосы, что неплохо для безопасности. На дорогах свободно, видно далеко, если, конечно, не циклон; а в циклон никто и не ездит, все дома сидят. С запада на восток новости идут медленно. Европой не живёшь, живёшь Азиатско-Тихоокеанским регионом. Первой ласточкой местного автопрома ворвалась в нашу жизнь Тойота Корола: аккуратная, стройная, достаточно мощная и удобная даже для просёлочных камчатских дорог. Надёжная.

Гараж, как в общем-то квартира, машина и зелёный ковёр, был унаследован Костей от командира его подлодки. На Камчатке снег с улиц убирают шнеками, проще говоря, кидают наверх. По бокам двухметровой дорожки до гаража вырастали такие же двухметровые отвесные стены из снега. Чистить снег «наверх» лопатой – главное камчатское занятие зимой. Грести снег «вперёд» – такого понятия нет, просто нельзя, ибо снега много, а места мало.

Однако, с увеличением численного состава семьи вместо Коорлы был приобретён Мицубиси Лансер, типичный паркетник, слишком большой в кузове для своего движка. За-

держался он недолго, ввиду практически полного отсутствия условий для его эксплуатации в г. Вилючинске.

Корола и Ланцер сливались с бесконечными камчатскими снегами своей белоснежностью. Как в песне про гусей: «Один серый, другой белый...»

В нашем варианте правда присутствовало удвоение: «Обе белых, обе серых..». Серыми были Делики. Кто живал на Камчатке знает, что такое для местной езды Делики и Паджерики.

Первая наша Делика была простой, вторая –«аквариум», получившая такое название за ряд окон в скате крыши.

С двумя ведущими мостами, с короткой базой и высокой посадкой Делики исправно месили щебень дорог и песок океана. За морошкой и княженикой, за крабами и мидиями, к маякам и на Медвежью, на Халактырский пляж и на смотровую на Мишенной – быстро, экономно, удобно.

Когда теперь, правда чрезвычайно редко, я замечаю на московских трассах похоженную покоцанную Делику, я говорю: «Ух ты, смотри – Делика!» и провожаю влюблённым взглядом за все годы её камчатских трудов, провожаю, вывернув шею, её, учившую меня экстремальной езде, кренам и дифферентам на склонах далёких сопок.

КАМЧАТКА. КИНОТЕАТР «ОКТЯБРЬСКИЙ».

Все мы любим ругать мегаполисы, пользуясь тем не менее их благами, и мечтать о тишине, но стоит годок-другой в этой

культурной тишине пожить, как становишься Робинзоном, и любая банка из-под консервов начинает вызывать у тебя восторг.

Так случилось и со мной, когда из ЗАТО и Рыбачьего, из нашей базы подлодок мы перебрались в Петропавловск-Камчатский, и Аполлон гордо встретил меня со своими искусствами, важнейшим из которых, как оказалось из трудов В.И. Ленина, являлось кино. Правда цирка, как важнейшего второго, в Петропавловске не было, зато имелся величественный, поместительный театр, где можно было разгуляться двум музам, изображённым на фасаде. Для примера потомкам было бы неплохо назвать и как-то даже изобразить муз кино и цирка, чтобы было что потом лепить на фасады.

Так вот о кино. За год до нашего переезда, в городе (в городе!) возвели новый современный кинотеатр с вполне ленинским названием – Октябрьский. Другого и быть не могло, учитывая его местоположение.

Он являл собой мышиноного цвета параллелепипед между шедшей выше по сопке Советской улицей, по которой он официально числился за номером 35, и Ленинской, шедший ниже, на которой, дорогие граждане, стоял 75-м номером Камчатский областной театр.

В их культурную среду втиснулся подвластный Фемиде Федеральный суд, занимавший красивое белое здание в стиле классицизма с портиком, колоннами и двумя рядами высоченных ёлок на подъездной аллейке, за которой и начина-

лась лестница, ведущая к кинотеатру. Перила, выкрашенные красной краской, позволяли глазу далеко следить их бег.

Этот подъём был длиннее, чем от кинотеатра до Советской, на которую можно было выйти, сесть в автобус и поехать домой – то давно забытое ощущение мегаполиса, которое и вызывало чувство восторга рыбацкого Робинзона. Было в общем-то даже неважно, какой фильм смотреть, важным было ощущение цивилизации, ощущение счастья общественного транспорта.

В Октябрьском располагалось довольно славное кафе, с ярким интерьером; касаясь же самого предлагаемого зрителю контента, то из всего просмотренного запомнились восемь демонов Эмили Роуз и новые 300 спартанцев., т.е. ровным счётом 309 персонажей в названиях. Причём спартанцы – в самом негативном ключе, переплюнув обезумевшую Роуз.

Как-то раз, после трудового дня мы решили заглянуть в кино и немного расслабиться. Увы, со спартанцами не получилось, брызги крови летели в экран. Зато хорошо запомнился эпизод, ставший впоследствии мемом;

– This is Sparta!

Там, где послы Артаксеркса операторски потрясающе падали в яму. Потом, много лет спустя, я смогла оценить заставку и конец фильма, где царь Леонид кожей, буквально всем нутром, осязает, впитывает и осознаёт малейшие движения окружающего его мира, каждым волоском, каждой клеточкой понимая, что произойдёт в следующую секунду.

Именно так, каждым миллиметром тела и каждым мозговым нейроном я ощутила и впитала цивилизацию Петропавловска, города, который я полюбила навсегда, где навечно была оставлена Камчатке, этому удивительному краю, частичка моей души.

КАМЧАТКА. ЖАННА РАФАЭЛОВНА.

В Петропавловске-Камчатском есть большой бассейн, а при нём школа Олимпийского резерва по плаванию. Жэка занимался пять дней в неделю, плавая до изнеможения и прыгая для расслабления с вышки. В ожидании я пила прохладительные напитки в буфете, в периметре из кадок с олеандрами, и всё было хорошо.

Пока однажды, после школы, посреди олеандров он не огорошил меня гордым рассказом, что приходили педагоги из соседней музыкалки отбирать детей, и он поступил в класс виолончели.

– Ты рада, мама? Разве ты не хотела?

Директор музыкальной школы, Жанна Рафаэловна, на мои бурные объяснения про английский язык и плавание, которые не оставляют нам свободного времени, с тихой грустью спросила:

– Светлана Игоревна, всё это прекрасно, а кто же будет растить интеллигентных людей?

Я не нашлась, что ответить, а про себя ядовито подумала:

– Начнётся сольфеджио – сам сбежит!

Однако, сольфеджио вылилось в пятёрки, плавание было успешно заброшено, и мы провалились в музыку на десять лет: в Петропавловске, Петербурге, Москве, вплоть до Александра Львовича и перспектив Плетнёвского оркестра, когда вдруг внезапно осознали, что с интеллигентностью вроде уже нормально, и опять круто поменяли судьбу, поступив на программный инжиниринг в Бауманку.

КАМЧАТКА. ТЕАТР.

В мою бытность в Петропавловске-Камчатском театр доставлял мне большое удовольствие. Он помещался в начале Озерновской косы, от которой его закрывала небольшая сопка. Это было мощное высокое здание, тёмного цвета, украшенное по фасаду тремя серыми пилонами с масками.

Просторный советский дизайн, белые маркизы на высоких окнах, огромный гулкий зал. Когда спектакли проводились в так называемом Малом зале, то на обычную широкую сцену ставились полукругом три ряда амфитеаторных стульев, а иногда и просто стульев, если это был небольшой моноспектакль, и прямо со зрителями на сцене разворачивалось действие.

По этой причине мы знали труппу театра, так сказать, в лицо. Лицеизрели довольно часто и нашего режиссера Валентина Зверовщикова, в особенности на новогодних капустниках, где он обязательно выходил на поклон.

То ли долгое отлучение от культуры, то ли тоска по го-

роду на Неве, которая по словам мужа проходит через пять лет, превращаясь в поездки к маме в гости, а скорее всего яркая игра труппы, но я довольно часто плакала на спектаклях. «Вдовый пароход» Грековой, «Простая история» Ладо всё это захватывало, брало за живое.

И однажды так же, как вместе погружались в океан эмоций, мы погрузились в воздушный океан. Театр закрывался на капитальный ремонт, и не на одно лето 2006. Почему? Никаких внешних признаков разрушения. Однако, он закрывался, и с ним уходила эпоха.

Мы улетали на другой конец страны. В Москву. Они в отпуск, а, наверное, навсегда.